

Сы Ханьцзюэ крепко сжал руль. Чёткие суставы пальцев от напряжения обрисовали плавные и красивые очертания. Когда мысль «вернуться» в десятый раз промелькнула и исчезла, его выражение лица немного смягчилось, и он постепенно успокоился.

Он позвонил Цзян Юю. Тот, сонный и невыспавшийся, ответил невнятно, но, слушая, постепенно протрезвел.

— Что? Камеры наблюдения?

Цзян Юй мгновенно проснулся, будто больной, вскочивший от испуга.

— Разве вы уже не знаете, что ваша конфетка живая? Зачем тогда...

Сы Ханьцзюэ резко перебил его.

— Выполняй.

Выполняй, и всё. К чему столько вопросов.

Сы Ханьцзюэ сжал пальцы, случайно нажав на клаксон и издав раздражающий звук.

В больнице доктор Цуй как раз осматривал рану Цзян Юю, который разговаривал по телефону.

Цзян Юй с хмурым выражением лица, его мозг лихорадочно работал, и он совершенно не замечал, насколько осторожны и нежны были движения доктора Цуя, снимавшего бинт.

Пальцы доктора мягко провели по вьющимся от природы волосам Цзян Юя. Кудрявые пряди страстно цеплялись за его пальцы. Лёгкий, элегантный и приятный аромат мужского делового парфюма нежно плыл навстречу. За запретными очками в золотой оправе мелькнула хитрая искорка.

Цзян Юй задумался на мгновение. Как ни крути, дело казалось ему подозрительным, но его позиция была такова, что он умно решил промолчать.

В середине утра Цзян Юй в кашемировой шапочке цвета хаки, из-под которой виднелись раскосые глаза-персики, сначала заехал в офис к Сы Ханьцзюэ за ключом-картой. Сы Ханьцзюэ был на совещании. Увидев за стеклянной стеной нерешительного Цзян Юя, его взгляд потемнел.

Он велел секретарю передать ключ-карту Цзян Юю, отвернулся и не встретился с ним взглядом.

Не получив зрительного контакта, Цзян Юй не смог сразу уловить настроение Сы Ханьцзюэ. Немного подумав, он отправился заниматься установкой камер наблюдения.

Подходя к двери с ключом-картой, Цзян Юй нарочно громко постучал, затем громко кашлянул. Но когда дверь открылась, внутри никого не было.

Рабочие, стоявшие сзади, ошарашённо смотрели на Цзян Юя.

Цзян Юй осмотрелся по сторонам, убедился, что мармеладный мишка спрятался, и тихо распорядился рабочим приступить к делу. Те определили несколько мест и начали работу. Цзян Юй, засунув руки в карманы, стал похаживать из комнаты в комнату.

Через час Цзян Юй начал слегка паниковать. Он знал, что сегодня Сы Ханьцзюэ не взял Тан Сяотана на работу. В такое время Тан Сяотан точно должен был быть дома, но... где же конфетка?

Услышав шум, разве маленький мармеладный мишка не должен был высунуть свою головку из угла и нервно поманить его?

Цзян Юй заспешил, снова обыскав всю квартиру, и снова убедился — мармеладный мишка пропал!

Юноша с изысканной внешностью был одет в просторную повседневную одежду. Удобная ткань нежных тонов облегла молодую, нежную кожу, придавая ему ленивую мягкость. Капюшон скрывал половину лица, оставляя видимыми только лепестково-алые губы и заострённый, но с округлостями подбородок. Юноша шёл по улице с наивным, растерянным видом, вертя маленькой головой. Глаза, чистые как у оленёнка, светились неподдельным любопытством. Его взгляд, выскользнув из-под приподнятого угла капюшона, был озорным и милым.

Тан Сяотан был одет в одежду Сы Ханьцзюэ, как ребёнок, нарядившийся во взрослую одежду, чтобы казаться старше. Кончики глаз и скулы были покрыты румянцем волнения и напряжения. Оживлённый городской пейзаж приводил его в восторг. Оказывается, мир хозяина такой!

Эти сцены не казались Тан Сяотану совершенно незнакомыми, но в то же время он их совсем не узнавал. Чувствовалось что-то знакомое, но то, что он видел сейчас, сильно отличалось от того смутного ощущения.

Это был новый, никогда не виданный ракурс и чувства — чего Тан Сяотан не осознавал.

Он радостно бродил по улицам, послушно стоя на тротуаре в ожидании зелёного сигнала светофора.

Прохожие часто оборачивались, перешёптываясь и поглядывая на Тан Сяотана.

Человеческие уши Тан Сяотана повернулись в сторону раскрасневшейся от волнения девушки, и он сладко улыбнулся.

Та девушка пошатнулась, ухватилась за сердце и с трудом устояла на ногах.

Люди такие милые. Загорелся зелёный, и Тан Сяотан, подпрыгивая, пошёл дальше.

Он хотел сходить в детский дом из маньхуа Тан Тана.

Став человеком, первое, о чём подумал Тан Сяотан, — это навестить детский дом из маньхуа. Хотя это была его первая самостоятельная вылазка, дорога в то место словно была спрятана в глубинах сознания. Идя по улице, он чувствовал такую радость, что готов был взлететь.

Казалось, он очень любил то место.

Радость от первого самостоятельного выхода переполняла его сознание, и Тан Сяотан совершенно не осознавал, насколько ненормальными были эти странные ощущения.

С любопытством глядя на незнакомый, но в то же время знакомый человеческий мир, он вытянул шею, наблюдая, как другие садятся в припаркованные у обочины машины, и,

подражая им, тоже потянулся, чтобы открыть дверь и сесть.

Водитель и молодой человек, только что севший на пассажирское сиденье, переглянулись. Молодой человек резко поднял подбородок и холодно произнёс:

— Эта машина моя.

В его тоне сквозила холодность, словно он вот-вот выплюнет слово «пошёл вон».

Тан Сяотан замер, с недоумением глядя на молодого человека, тщательно обдумывая смысл сказанного.

А, конфетка воспользовался чужой вещью и ещё не поблагодарил!

Тан Сяотан сложил руки перед грудью, как делал, когда был конфеткой, поклонился, обнажив шесть зубов белых, как клейкий рис, и сладко улыбнулся:

— Спасибо вам! Вы такой хороший человек!

Сладкий и звонкий голосок походил на треск созревшего хрустящего яблока на ветке, источая свежий, пленительный аромат.

Молодой человек: ...

Водитель: ...

Не спрашивайте, просто ошарашены сладостью.

Хмурый молодой человек выдохнул, фыркнул с неопределённым смыслом через нос, переместился на переднее сиденье, скрестил руки на груди и, не говоря ни слова, молча разрешил Тан Сяотану ехать с ним в одной машине.

Молодой человек был одет небрежно, в броские вещи. Золотой логотип модного бренда нагло занимал большую часть поля зрения. Одежда в той же золотисто-чёрной гамме была сплошь именитых марок, наслоенная, создавая ощущение уличного хип-хопного бунтарства. Его кожа была слегка смуглой, волосы короткие, торчащие ёжиком. На левой мочке уха красовалась серёжка из красной горошины любви. Надбровные дуги, скулы и переносица имели европейскую выразительность и резкость. Глаза слегка удлинённые, не маленькие, с одинарными веками, внешние уголки приподняты вверх. Взгляд, которым он косился на людей, всегда излучал густое презрение и высокомерие. Он был очень хорош собой, это была красота метиса. По сравнению с ледяным, как снег на горах, Сы Ханьцзюэ, он походил на одинокого волка — дикого и строптивого.

Его звали Гу Пэн. Пэн, как в «Великий Пэн взмывает, и облака летят».

Гу Пэн искоса, через зеркало заднего вида, украдкой наблюдал за действиями юноши на заднем сиденье.

Для Тан Сяотана это была не первая поездка в машине. Он сидел посередине, аккуратно пристегнув ремень безопасности, выпрямив спину, положив руки на колени — поза была образцовой. Но его маленькая голова беспокойно вертелась, он с любопытством выглядывал в окно, наблюдая за внешним миром. Из-за капюшона, закрывавшего лицо, разглядеть черты юноши было сложно, но те губы, как розовые лепестки, плавный и красивый овал подбородка и

белоснежный цвет кожи позволяли вообразить неопишемую, неземную красоту.

Водитель спросил:

— Красавчик, а ты куда едешь?

Тан Сяотан слегка повернулся в сторону водителя и, словно прилежный ученик, отвечающий на вопрос учителя, произнёс слово за словом:

— Дядя, я еду в детский дом «Солнце семи деревьев».

Гу Пэн сделал паузу.

— Зачем тебе в детский дом?

Тан Сяотан повернул лицо в сторону Гу Пэна и серьёзно объяснил:

— Потому что очень хочу.

Гу Пэн: ...

Логично. Возразить нечего.

Гу Пэн скрестил руки на груди, закинул ноги, поставив их на приборную панель, и забросил одну ногу на другую.

Водитель хотел что-то сказать, но сдержался.

— Эй, молодой человек...

Гу Пэн пригвоздил водителя взглядом исподлобья.

— Что, нельзя?

Наглая манера. Водителя чуть не взорвало от злости. Он пожалел, что взял этого задиру, побоялся, что тот пожалуется и поставит низкий рейтинг, и решил, что лучше потерпеть и не связываться. Поэтому он угрюмо замолчал.

Тан Сяотан посмотрел направо и налево, нахмурил маленькие бровки.

— Это очень невежливо.

Благодарность тем, кто голосовал за меня или поливал питательной жидкостью с 2020-11-05 23:10:32 по 2020-11-06 22:50:14!

Спасибо тем, кто бросил бомбу: миру Холодной зимы — 4 штуки; Цзэ Цзэ — 1 штука.

Спасибо тем, кто поливал питательной жидкостью: куауа — 6 бутылочек; я эй я я эй — 5 бутылочек; (●v●) — 4 бутылочки; Налянгуй — 3 бутылочки; маленький ребёнок — 2 бутылочки; Люйфань baby, оказывается, я всего лишь Ян — по 1 бутылочке.

Огромное спасибо всем за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!